

Велимир Хлебников — поэт крайностей

Хлебников возится со словами,

как крот, между тем он прорыл

в земле ходы на целое столетие...

О. Мандельштам

При жизни Хлебников был известен очень узкому кругу литераторов. После его трагической смерти круг этот несколько расширился. Тогда же началась своего рода канонизация Хлебникова как художника и мыслителя для избранных. Его сложные по форме и содержанию стихи до сих пор служат предметом споров и рассуждений литературных критиков. Одни считают его грандиозным экспериментатором и создателем нового поэтического языка, который до конца сумеют постичь только в далеком будущем. Другие склонны думать, что его “новаторство” круто замешено на эстетическом жульничестве, духовном комедиантстве. Запад в XX веке прославился чисто техническими ухищрениями, и Хлебников, мол, не исключение. Называя имя Хлебникова, сразу вспоминают, что он придумал слово “летчик”. Словом, информация о поэте дается такая, что трудно составить для себя какой-то более или менее определенный образ этого поэта. Тем более трудно нам, соотечественникам многих и многих великих поэтов с очень четкими поэтическими чертами.

Сами великие поэты не могли уловить образа Хлебникова. А. Блок, например, писал: “Подозреваю, что значителен Хлебников...”

Модернисты особенно поднимали на щит формально-экспериментаторское начало Хлебникова. Приведу одно из типичных стихотворений поэта в этом ключе:

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

Что смеются смехами, что смеянствуют смеяльно,

О, засмейтесь усмеяльно!..

Поэт как бы ищет способ волшебного превращения одного русского слова в другое. Но он вовсе не старается нарушить законов русского словообразования, потому что исходит от корня “смех”. Мне кажется, это нормальное словотворчество. В доказательство можно напомнить о существовании русских детских считалок, языческих заговоров. В них тоже на первый взгляд все лишено прямого смысла, но мы ощущаем какой-то таинственный смысл.

Если рассматривать его стихи с точки зрения поиска звукового образа, то мы найдем этот образ почти во всех его стихах. Например:

Бобэоби пелись губы.

Вээоми пелись взоры.

Пиээо пелись брови.

Лиэээй — пелся облик.

Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.

Поэт как бы сам себе доказывал безграничные возможности русского языка. Например, он писал стихи, которые можно читать наоборот — слева направо и справа налево:

Кони, топот, инок,

Но не речь, а черен он.

Но был и другой Хлебников, который, к сожалению, до сих пор остается в тени. Это Хлебников — поэт мудрого зрения, благородных чувств:

Мне много ль надо? Коврига хлеба

И капля молока,

Да это небо,

Да эти облака!

Такого Хлебникова поймет и примет и настоящее, и будущее:

Беру в свидетели потомство

И отдаленную звезду.

В одной строчке поэт способен выразить огромный исторический смысл, показать события резко, без тени морализаторства. Например, поэта потрясла весть о расстреле рабочих на Ленских золотых приисках в 1912 году, и он написал: “Вот Лена с глазами расстрела”.

Проникновенно пишет он о гибели русской военной части во время первой мировой войны:

И к студеным одеждам привыкнув

И застынув мечтами о ней, Слушай.

Смерть, пронзительно гикнув,

Гонит тройку холодных коней...

Лик войны, холодный и страшный, взирает на нас из этих строк.

Удивительные крайности умещались в Хлебникове. Но с годами заметно побеждало в нем классическое человеческое начало. Он стремился доискаться до правды, а не до “праязыка”. Его путь можно назвать путем “блудного сына” русской поэзии к отчужденному дому. Путь был сложным, извилистым, полным различных тупиковых метаний. Но и время было непростое.

Мне кажется, что Велимир Хлебников в будущем займет свое место в так называемом серебряном веке русской поэзии. Ведь сам Александр Блок писал о нем: “Подозреваю...” А Хлебников однажды заявил: “Родина сильнее смерти”. И он — русский поэт Велимир Хлебников — навсегда останется с родиной.